

Ф.Г. Майленова

### В изменчивом мире современных нравственных ценностей и убеждений

Человек как существо, осознающее свое существование, живет в совершенно особом, отличном от всего животного царства мире. Можно сказать, что он живет одновременно в двух мирах:

в мире предметном, реальном, некоем *сущем*, и в мире воображаемом, представляемом, так называемом *должном* – в мире идей, представлений, нравственных ценностей и убеждений. Этот второй мир, а точнее тот его фрагмент, который мы называем миром ценностей и убеждений, и является предметом нашего внимания.

Абстрактные и, казалось бы, совершенно нематериальные вещи, такие как любовь, свобода, долг, совесть, честь и т.д., влияют на все поступки человека в «реальном» мире. Эти воображаемые, неосознанные, невидимые ценности нередко оказываются для человека гораздо более значимыми, чем ценности «реальные»: материальные, осязаемые, в наличии или отсутствии которых можно достоверно убедиться с помощью наших органов чувств. Ведь когда говорят о вечных ценностях, имеется в виду, что как раз все материальное тленно, но есть нечто подлинное, нетленное, и оно-то и представляет собой самую суть бытия.

Исходя из того, насколько тесно переплетены в человеке реальное и вымышленное, материальное и идеальное, сущее и должное, можно утверждать, что, по большому счету, все наше общение происходит в пространстве *представлений* об этом реальном мире и о людях, а другие люди, соответственно, репрезентируют нам свои представления, которые могут в той или иной степени отражать окружающую

действительность, но они именно лишь отражают, нередко с искажениями. Считать, что реальность такова, как мы думаем, – на самом деле лишь принятая всеми удобная гипотеза, помогающая нам жить, не задаваясь ежедневно вопросами об истинности наших знаний.

Возможно ли познание этой реальности, ведь содержательное ее многообразие бесконечно? Видимо, можно постичь ее, лишь изучив и описав структуру. Узнав структуру явления, можно не только успешно в нем взаимодействовать, но и при необходимости моделировать его. Последние исследования модели НЛП в области ценностей и убеждений показывают, что эта сложная и деликатная область действительности поддается рациональному изучению и описанию. Правда, вместе с новыми знаниями встают и новые этические проблемы: насколько допустимо произвольное вмешательство в мир ценностей? Традиционная идентификация «Я» со своими ценностями и убеждениями для личности была привычна и давала какую-то опору. А что можно сказать о потенциальной свободе личности в выборе своих ценностей и убеждений, какова этическая оценка этих новых возможностей?

Целостные состояния сознания, охватывающие тело и разум, включают в себя как физиологию, так и внутренние репрезентации, такие как верования, ценности, решения, убеждения и т.д. С одной стороны, физиология и первичные эмоции, такие как страх, гнев, радость, печаль, удовольствие и т.д., представляются нам чем-то неизменным, что невозможно контролировать и изменять, зато можно в полной мере почувствовать и измерить. Однако, говоря о «реальных» эмоциях или «действительном» состоянии тела, необходимо помнить о том, что сам процесс суждения, осмысления и высказывания уже изменяет эти «реалии».

Следовательно, способ суждения и осмысления не менее важен, нежели сами эти реалии. Внутренний мир человека – его чувства, мысли, идеи – является не просто отображением внешнего мира или ответом на него, он включает в себя также некие добавочные мысли-и-чувства по поводу всего сущего, в том числе пережитых чувств, мыслей, состояний. Ценностное отношение распространяется не только на внешний мир и на других людей, но и на самого себя, на содержание собственного нравственного сознания. Можно испытывать боль или чувство вины по поводу своего переживания ревности, страха, удовольствие и удовлетворенность

в связи с преодолением тревоги, гордость собой или, наоборот, ненависть к себе за чувство любви и привязанности к кому-то. Нередко случается даже такое: человек испытывает чувство долга, которое предписывает ему кого-то любить (например, отношение матери к своему ребенку), но при этом добавляется чувство вины за то, что истинные чувства далеки от идеала. В итоге человек дополнительно страдает по поводу своих «неправильных» чувств, своего страдания или неполноты счастья.

Для нас важно найти ответ на вопрос: может ли субъект оценивать с нравственной точки зрения не только внешний мир, поступки и события, но само содержание нравственного сознания? В каком соотношении находятся индивидуальные миры отдельных людей и общечеловеческая реальность мира общезначимых ценностей, смыслов?

История развития морали и нравственности показывает, что системы морали постоянно меняются, но в одном они всегда неизменны – в требовании неукоснительного соблюдения тех норм, которые на данный момент приняты. Хотя мы уже убедились в том, что эти нормы могут варьироваться и меняться не только в масштабах тысячелетий, но даже в течение жизни одного поколения. Какова динамика этих изменений, что происходит с субъектом морали, когда он сталкивается с противоречивыми нравственными ценностями? Что же представляет собой мир современных ценностей? Новая реальность с новыми правилами? Или же правила все же остались прежними, и изменилось лишь содержание? Размышление над этими вопросами имеет не только теоретический, но и практический смысл.

### **Любовь – сверхценность или помеха свободе?**

Невозможно не упомянуть о такой вечной ценности, как любовь, которую испокон веков воспевали, проклинали; из-за нее умирали и возрождались к жизни. Изменилось ли сегодня отношение к этому чувству? Какое место любовь занимает в жизни современного человека, для которого ценности карьерного роста, автономии и личной свободы, кажется, стоят на первом месте?

Две величайших ценности в нашей жизни – любовь и свобода – постоянно приходят в противоречие. Кажется, невозможно любить, не жертвуя всей полнотой личной свободы. Чем более

близкими становятся отношения между людьми, тем больше они начинают зависеть друг от друга. Радость, тепло, комфорт, наслаждение близостью и взаимопониманием – словом, все, что мы получаем от близкого человека и в чем так сильно нуждаемся, ставит нас в положение зависимости от источника радости – того, кто может нам ее дать, а может и лишить ее. Зависимость эта почти прямо пропорциональна силе и пылкости чувств, и, следовательно, удовольствию от общения с любимым существом и власти того, кто является объектом наших чувств. Эта ситуация достаточно полно и ярко обрисована в мировой поэзии, но все эти бесчисленные примеры, из жизни ли, из литературы или кино, наводят на вопрос: а насколько это неизбежно? Обязательны ли в любви боль, борьба, страдание, муки ревности? Неизбежна ли расплата за любовь в форме зависимости и отказа от свободы?

Ж.-П. Сартр полагает, что свобода одного неизбежно оборачивается несвободой другого, поглощая ее. При этом, как только это поглощение осуществляется и одна из сторон утрачивает свою свободу, тут же отпадает необходимость самих отношений, так как объект, лишенный свободы и растворившийся в другом, утрачивает свою ценность, ибо вместе со своей самооценностью он утрачивает то, что в нем было тогда, когда он еще был отделен от другого. «Конфликт – это изначальный смысл бытия-для-другого»<sup>1</sup>, – утверждает Сартр. Постоянное стремление к обладанию близким человеком происходит одновременно с сопротивлением подобному стремлению со стороны Другого. Другой мне необходим, потому что без него я не в состоянии даже приблизиться к обладанию тайной того, чем я являюсь. Таким образом, мое бытие, согласно позиции Сартра, находится у кого-то другого, кто им обладает. Я же стремлюсь к Другому, владеющему моим бытием и моей свободой, пытаюсь овладеть своим бытием, которое неотделимо от того Другого и от его свободы. Следовательно, его свобода является ценой моего обладания моим бытием. «Выходит, мой проект отвоевания самого себя есть по существу проект поглощения другого»<sup>2</sup>, – пишет Сартр. Но при этом другой не должен утрачивать свою природу, ибо тогда с его особостью я утрачиваю свое бытие-для-другого. Раз он стал частью меня, мне уже негде отражаться, и с достижением желаемого – полного обладания свободой другого, – я начинаю утрачивать самого себя, свою собственную свободу.

Мы хотим, чтобы нас любили, чтобы ради нас жертвовали свободой, но в случае действительной утраты свободы нашего партнера, когда другой теряет свою волю, свою индивидуальность, он постепенно перестает быть нам необходим, перестав быть тем Сверхзначимым для нас существом, каковым был до того, пока не был нами завоеван полностью.

Стремление контролировать другого можно наблюдать даже у самых неагрессивных, мягких, интеллигентных людей. Видимо, описанную Ницше «волю к власти» можно обнаружить в сознании любого, даже робкого и отнюдь не властолюбивого в обычной жизни человека, и сферой, выявляющей ее, является именно любовь, близкие межличностные отношения. Стремление контролировать близкого человека, обладать властью над его личностью, его духовной жизнью, его мыслями, чувствами сочетается с боязнью, что подобной властью начнет обладать другой. «Любовь дает нам огромную власть над любящим нас человеком, и эта безмерная власть может тешить наше тщеславие, делая другого рабом, всегда готовым выполнить любую нашу прихоть, любое желание»<sup>3</sup>, — пишет Альберони. Однако сближение двух людей — двусторонний процесс, каждый чем-то поступает, в чем-то уступает ради сохранения и углубления отношений, и боязнь оказаться уязвимым и потерять свою свободу нередко порождает отношение к любви как к чему-то нежелательному, чего следует избегать, от чего надо себя оберегать. Существуют различные формы избегания близости, и ниже мы остановимся на некоторых из них.

### Спасаемся от близости во имя свободы?

Избегание близких отношений возможно как в форме *открытого неприятия*, когда человек старается вовсе не вступать ни в какие отношения, которые могут стать для него слишком значимыми и важными, так и в форме изобретения различных способов *удерживания дистанции* с близким человеком. В последнем случае взаимоотношения существуют, но строятся они таким образом, чтобы не захватывать всю личность целиком. Феномен *эмоционального расщепления*, наблюдаемый у большинства людей, боящихся чрезмерной близости, может быть замаскирован и тщательно скрыт от осознания так, что распознать его можно, лишь зная механизм этого явления. Обычно

люди находят массу причин, объясняющих их одиночество или неудачи в любви. Все эти причины, кажущиеся на первый взгляд объективными или случайными, такие, как сверхзагруженность на работе, географическая удаленность, выбор партнера, заведомо не подходящего по возрасту, общественному положению, культурному уровню и т.п., не дают существующим или возникающим отношениям стать более близкими. На самом деле все эти обстоятельства далеко не случайны. Тот, кто стремится к близости не на словах, а на уровне глубинных потребностей, находит ее. Не бывает так, чтобы рядом с ним постоянно, из года в год, не оказывалось никого достойного любви в своем городе, своего возраста, из более подходящей среды... Видимо, немаловажной стороной привлекательности «неподходящих» для более близких и серьезных, доверительных отношений партнеров является как раз то, что с ними не может быть чрезмерной близости, а стало быть, можно не так опасаться боли, разочарования, а также неизбежной зависимости и несвободы.

На причинах же субъективных, зависящих непосредственно от позиции, поведения самого человека, стоит остановиться особо. Способ соблюдения дистанции путем эмоционального расщепления состоит в том, что с разными партнерами устанавливаются различные по уровню отношения: с кем-то дружеские, с кем-то сугубо деловые, а любовные, эротические — совсем с другими, причем нередко любовные и сексуальные отношения тоже существуют отдельно, с разными людьми. При этом эти своеобразные границы тщательно оберегаются, их стараются не размывать. Друг противоположного пола никогда не станет возлюбленной, с женой не делятся планами на будущее, касающимися работы или духовной жизни, любовница чаще всего тоже отнюдь не является другом, духовно близким человеком, у нее «своя роль», и т.д. Меняющиеся моральные нормы в сочетании с широкой пропагандой свободы секса не то чтобы не очень осуждают подобную «многогранность», а даже, пожалуй, оправдывают ее тем, что природа человека сложна и неисчерпаема. Действительно, со стороны все может выглядеть стройно и логично, однако не учитывается один момент: в этих взаимоотношениях участвуют другие люди, которые нередко глубоко страдают из-за недостатка доверия и близости. «Эмоциональное расщепление» как способ соблюдать необходимую дистанцию (кстати, зачастую она необходима лишь одной из сторон)

трудно однозначно оценить с точки зрения нравственности. Психологические причины, от самого субъекта не вполне зависящие: его темперамент, тип характера, наследственность, особенности воспитания и т.п. – также играют немаловажную роль. В этом аспекте сложно возлагать на личность полную ответственность.

Однако другой способ – *дистанцирование посредством измены*, порождающей обиду и недоверие, – является самым нечестным и жестоким из всех прочих. Бегство от верности для множества людей очень часто имеет отношение к тому, что ими понимается под «свободой». Все чаще и чаще приходится сталкиваться с точкой зрения, что верность одному партнеру – это скорее исключение, чем правило, и такое возможно лишь ценой преодоления человеческой природы, которая-де в основе своей полигамна, хотя главная причина всех этих психологических сложностей – страх оказаться зависимым и уязвимым. Именно страх и боязнь эмоциональной боли толкает людей на жестокие поступки по отношению к своим близким, что в свою очередь приводит к разрушению отношений, и в конечном итоге избежать боли так и не удается.

### Во власти стереотипов

Упрощенное знание о человеческой природе в силу своей простоты и доступности пользуется большим успехом в виде советов на все случаи жизни, которыми сейчас полна наша периодика. В основе таких рассуждений лежат жесткие стереотипы, какой должна быть «настоящая женщина», а каким полагается быть «настоящему мужчине», хотя психологи давно уже показали, что в живой жизни идеальных мужчин и женщин не бывает, и в обычном человеке сочетаются качества как, считающиеся традиционно «мужскими», так и «женскими». Устойчивость таких представлений объясняется тем, что прежний образ мира, который на них построен, привычен, понятен и не требует для своего осмысления особых усилий. В современном мире все меньше и меньше традиционно «мужских» или «женских» профессий и занятий, и социальные роли внутри семейных пар изменились настолько, что сочетание мужчина-кормилец и женщина-домохозяйка скорее исключение, нежели правило. Однако в *представлениях о том, как должно быть*, все еще преобладают стереотипы.

Похоже, в этом вопросе имеет место разрыв между должным и сущим, а именно, некоторое отставание некогда сформировавшихся представлений, ценностных установок от меняющейся реальности, которая сегодня уже во многом не соответствует прежним (когда-то верным, а теперь фактически устаревшим) нормам и установкам.

В частности, этот разрыв проявляется в весьма сложных и запутанных системах ценностей современных женщин. С одной стороны, они хотят вести активную жизнь, реализоваться в социуме, а с другой – испытывают сложное чувство вины и страха за то, что они ведут себя «не по-женски», боясь, что наказанием за их успешность будет одиночество и неудачи в личной жизни. Многие работающие женщины корят себя за то, что не могут быть идеальными матерями своим детям, точнее, не могут соответствовать тому образу идеальной матери, который существует в их сознании. За то, что они не в состоянии целыми днями заботиться о своих детях физически и не в силах постоянно испытывать чувство любви и восторга относительно своих детей, они мучают себя морально, требуя от самих себя невероятного, небывалого совершенства и страдая от отсутствия такового.

Стереотип «настоящего мужчины» столь же разрушителен, как и стереотип «настоящей женщины». Необходимость во всех случаях жизни быть сильным, уверенным, несгибаемым и знающим заставляет мужчин отказываться от проявления вполне понятных человеческих «слабостей»: эмоциональной ранимости, чуткости, неуверенности в своей правоте, умения задавать вопросы и прислушиваться к мнению других людей. Такой «мачо» чрезвычайно сложен в общении из-за своей негибкости и неспособности к компромиссам.

Эти стереотипы порождают своеобразную несвободу – внутреннюю, несвободу от образа, каким человек хочет видеть себя, и образа другого, который тоже отягощается непомерными ожиданиями. В конечном итоге люди оказываются несвободными быть самими собой в общении друг с другом.

Любые отношения, даже самые гармоничные, крайне непостоянны, так как люди все время меняются сами, меняется жизнь, окружающие, меняются взгляды и убеждения – невозможно даже перечислить все факторы, которые могут влиять и влияют на разви-



тие, изменение отношений. Особенность человеческих отношений состоит в том, что все активные попытки добиться соответствия идеалу и гарантии любви приводят к тому, что отношения могут расстроиться уже сегодня. К тому же, постоянно беспокоясь, страдая, ревнуя, человек перестает получать удовольствие от отношений, которые на самом деле призваны приносить радость и счастье.

За качество и уровень отношений, за то, каковы они, как складываются и развиваются, в ответе обе стороны. Сказанное справедливо даже для тех ситуаций, когда один любит, а другой лишь позволяет любить, одному достается больше страданий и боли, чем другому, так как он больше нуждается в партнере, более уязвим и зависим. Ответственность за несправедливые отношения все равно лежит на двоих, в том числе в случаях явного неравноправия или даже угнетения, эксплуатации одного другим: ведь человека унижают лишь тогда, когда он позволяет, чтобы его унижали. Всегда существует хотя бы один, самый радикальный, выход из трудной и болезненной ситуации общения – это уйти, не длить унижения и муки, хотя именно такие отношения бывает очень трудно разорвать. В ситуации “раба” и “господина” несвободны оба, и оба зависят друг от друга в гораздо большей степени, чем если бы отношения строились на принципах равенства и уважения. Тем не менее человеку доступно и другое, более трудное, но и более достойное проявление любовных, родственных и дружеских чувств, когда ему не требуется постоянного подтверждения извне его собственной значимости, и он способен любить и принимать себя независимо от того, соответствует ли он идеалу мужчины или женщины и устремлены ли на него в данный момент влюбленные взоры.

### **Постигая мир нравственных ценностей**

Мир ценностей, убеждений, этических норм, представлений – совершенно особый мир. Он является полностью, с начала до конца созданным людьми, это та «вторая природа», которая отличает человека от животных. Тем не менее, будучи сотворенной и постоянно творимой, эта «вторая реальность» отнюдь не является произвольной – в ней существуют свои законы, и, вступая в нее и взаимодействуя с ней, их нельзя не учитывать.

Собственно, весь процесс воспитания и обучения можно свести к познанию законов этой особой реальности. Для того, чтобы быть успешным в ней, необходимо научиться одновременно удерживать в поле зрения сразу множество реальностей, правильно ориентируясь в каждой из них. Первое, что необходимо понять и усвоить, – это собственно законы нравственности, принятые в обществе. Второе – познание собственного внутреннего мира, максимально полное осознание его, со всеми его особенностями и проекцией существующих в обществе ценностей. Затем следует самое сложное – научиться видеть, распознавать особенности каждого участника коммуникации, проекцию общепринятых законов нравственности на его внутренний мир. На деле оказывается наиболее трудным удерживать в активном внимании одновременно разные карты – свою собственную и других людей, не смешивая их и не перенося на других свою личную карту<sup>4</sup>. Имея точки соприкосновения, карты различных людей тем не менее настолько уникальны, что можно лишь удивляться, как людям вообще удается как-то общаться и понимать друг друга.

Так как количество единиц информации, которую человеческий мозг может одновременно удерживать в поле внимания, ограничено, большая часть ее переносится на бессознательный уровень. В коммуникации важна именно такая вот бессознательная компетентность, которая помогает мгновенно найти максимально правильный выход из любой ситуации, ведь особенностью законов этой реальности является их жесткость наряду с изменчивостью и неопределенностью, невозможностью постижения их только лишь силой разума, знаний. Сознание человека не ограничивается только лишь рациональной его частью. Стремление современного человека обращать внимание лишь на логические выкладки, игнорируя те «неясные», неопределенные знаки и символы, которые посылает бессознательное, сослужило ему не самую лучшую службу. Игнорирование возможности доступа к такому знанию, которое можно еще, пожалуй, назвать интуитивным, или глубинной, скрытой мудростью, не исключает того факта, что бессознательное тем не менее работает всегда. Обычно оно занято переработкой информации (мыслительной или эмоциональной), полученной извне: это могут быть какие-то переживания, неотвязные мысли, идеи и т.п. Эта работа может осуществляться как с негативным результатом,

если человек постоянно углубляется в негативные чувства, переживания, как бывает при неврозах или навязчивых состояниях, так и с позитивным – все великие открытия, мгновения вдохновения, озарения происходят именно благодаря скрытой работе бессознательного. В данном случае под «бессознательным» подразумевается часть личности, которая не контролируется сознанием. Это понятие является объединяющим рациональное и интуитивное как некая глубинная основа личности.

В.Франкл вводит даже понятие «подсознательной духовности», которая «содержит источники и корни всего создаваемого». Так что, согласно Франклу, «Я» не находится во власти «Оно», но дух покоится на бессознательном<sup>5</sup>. Он полагает также, что основы совести надо искать в области иррационального, или бессознательного, так как «большие и подлинно экзистенциальные решения в жизни человека всегда нерелексируемы и тем самым неосознанны; истоки совести восходят к бессознательному»<sup>6</sup>. Отличие сознания в том, что ему открыто сущее, которое доступно рациональному познанию. Совесть же апеллирует не к сущему, а к должному, к тому, что может и должно быть осуществлено, проявляя необходимость более высокого порядка. Собственно, знание о том, каким должен быть человеческий выбор, – это не только рациональный подсчет всех «плюсов» и «минусов», а еще и интуитивное постижение нравственной основы выбираемого варианта, что возможно лишь при глубоком понимании человеческой личности.

«Только совесть может как бы согласовать “вечный”, всеобщий моральный закон с конкретной ситуацией конкретного человека. Жизнь по совести – это всегда абсолютно индивидуально-личная жизнь в соответствии с абсолютно конкретной ситуацией, со всем тем, что может определять наше уникальное и неповторимое бытие. Совесть всегда учитывает конкретность моего личного бытия»<sup>7</sup>, – пишет В.Франкл. Можно утверждать поэтому, что именно совесть как нравственный механизм может при принятии важных решений помочь избежать роковых ошибок, за которые стало бы впоследствии «мучительно стыдно», помочь сохранить целостность личности.

С помощью рассудка, рациональной части личности можно знать и оценивать то, что уже было когда-то пережито в реальном опыте. Также может быть эффективным интеллектуальное осмысление как некое предвидение, «мысленная подготовка» к пред-

стоящему событию. Когда же речь идет о выборе в совершенно неизведанной области и человек как бы делает шаг в полную неизвестность, нравственными ориентирами для него могут служить лишь общечеловеческие ценности. Правда, тут может возникнуть (и нередко возникает) проблема выбора между различными ценностями, каждая из которых требует абсолютного соблюдения.

Не секрет, что многие делают выбор отнюдь не в пользу нравственных ценностей, так как реальные, «осязаемые» земные ценности кажутся им ближе. Но не стоит резко отграничивать ценности духовные и материальные, тем более давать однозначную оценку, считая духовные мотивы правильными, достойными высокой оценки, а материальные – наоборот. Тут важно еще уметь учитывать не только то, что человек выбирает, но и как он совершает выбор. Бывает, руководствуясь высшими нравственными принципами, искренне желая добра, калечат чью-то судьбу лишь потому, что ситуация не «вписывается» в готовые моральные нормы. А бывает наоборот – откровенно эгоистичные мотивы, например, стремление заработать много денег, приводят к тому, что добившийся своей цели может спокойно содержать престарелых родителей, дать хорошее образование детям, и в итоге результаты выбора оказываются прекрасными как для самого человека, так и для его близких.

Нравственная оценка того или иного поступка не должна быть однозначной еще и потому, что все человеческие поступки порождаются не одним-единственным, а сразу несколькими, порой противоположными мотивами. Вопрос состоит в том, какой из множества мотивов является доминирующим или считается за «истинный» самим автором поступка. Способы интерпретации поступков, в зависимости от степени осведомленности о душевной жизни человека, бывают самыми различными: приписываются либо стандартные, примитивные, порой просто обидные и принижающие человека мотивы, либо возвышенные, высоконравственные, либо же «разоблачающе-психологические», представляющие собой попытки «докопаться» до глубинных, подсознательных влечений и устремлений... Выбор того или иного способа интерпретации своих и чужих поступков зависит также и от нравственного уровня того, кто взялся интерпретировать. Поскольку о других обычно судят, ориентируясь на знание себя, другому с большей вероятностью будут приписаны те мотивы, которые знакомы по

личному опыту. Правда, существует разница в способах интерпретации чужих и своих поступков: из всего веера возможностей интерпретаций большинство склонно выбирать более нравственные мотивы, говоря о себе, и гораздо более «низменные» приписываются другим, особенно если этот другой лично неприятен. При совершении благородных поступков сам человек склонен считать, что он совершил его совершенно бескорыстно, если же то же самое сделал другой, все объясняется либо удачными обстоятельствами, либо скрытыми эгоистическими интересами, желанием выделиться, порисоваться и т.д. При интерпретации какого-либо не очень нравственного поступка другой подвергается осуждению по всей строгости морали, себя же люди склонны прощать (хотя бы со временем), объясняя произошедшее опять же неудачными обстоятельствами, плохим самочувствием и, наконец, тем, что те, с кем так нехорошо обошлись, на самом деле не очень нравственны сами. Последнее может трансформироваться в сознании до такой степени, что со временем вместо угрызений совести может появиться нечто похожее на удовлетворение, так как содеянное в свете последних размышлений о недостатках и пороках «потерпевшего» начинает казаться чуть ли не справедливым возмездием. Даже догадываясь об истинных причинах своих поступков, человек все равно будет стремиться объяснять их благовидным образом.

Можно сказать, что потребность если не быть, то хотя бы выглядеть нравственным (в том числе перед самим собой) лежит в глубинах человеческой психики и является причиной множества несоответствий и несовпадений между оценкой своих и чужих поступков. Как уже говорилось, человек склонен «прощать» себе и малодушие, и трусость, даже подлость и предательство, понемногу смягчая отрицательную самооценку по поводу случившегося, и постепенно может начисто забыть о неприятном событии. Тот же, кого обидели, даже в том случае, если обида в основном придумана или же сильно преувеличена, напротив, не может забыть того, что причинило ему боль, оставаясь опять-таки гораздо менее чувствительным к своим словам и поступкам, которые могли ранить и обидеть близкого человека. Эта неравномерность в интерпретации своих и чужих поступков не является фатальной. Помнить об этой разнице – значит стремиться более терпимо относиться к другим людям и более строго к самому себе, хотя это пожелание является предельно общим и в каждом конкретном случае расклад сил может быть различным.

### Элементы творчества в морали

Каждая конкретная жизненная ситуация может быть настолько индивидуальной, что от личности требуется не столько послушное следование каким-то, пусть даже самым высоким нравственным нормам, сколько умение творчески постичь существующие нормы. Для того чтобы достойно справиться с такой нелегкой задачей, необходима смелость, а также способность самостоятельно разобраться и сделать правильный выбор не только между добром и злом, но порой и между добром и добром (между разными ценностями), или злом и злом, выбрав наименьшее.

Полноценная, разносторонне развитая личность прорабатывает свою жизнь на всех уровнях: начиная от бытового и поведенческого и заканчивая уровнем ценностей и собственной миссии. Очень важно, чтобы поступки, из которых соткана реальная ткань жизни человека, соответствовали тем жизненным ценностям и убеждениям, которыми он живет, которые считает «своими», – в противном случае внутренний разлад рано или поздно скажется на душевном, а также физическом здоровье, на всем жизнеощущении.

Во всех сказках, фантастических романах герой попадает в ситуацию, в которой он никогда раньше не бывал, следовательно, не может действовать согласно известным ему схемам. Необходимо творчество, мгновенная оценка ситуации и умение охватить ее как разумом, так и всеми чувствами, и удача сопутствует тому, кто не боится рисковать и в то же время каким-то особым чувством знает, как правильно действовать.

В реальной жизни человеку также нередко приходится действовать на свой страх и риск, на ходу познавая правила игры. Мудрость современного человека – это баланс между знанием и риском, соблюдением правил и творчеством. Даже в той области действительности, которая прежде казалась неизменной, – в области морали и нравственности ныне все больше неопределенности. Бессмысленно сетовать на то, что мораль умирает и нравственные ценности нынче не в цене. Полностью исчезнуть мир ценностей не может, так как он является частью человеческого мира, он необходим как обществу в целом, так и каждому отдельному его представителю. Однако надо признать, что он видоизменяется и приобретает новые очертания, предъявляет новые требования и диктует

новые законы, которые необходимо познавать. Каждая ситуация требует к себе особого подхода, учета тысячи факторов и необходимости самостоятельного, творческого принятия решения.

Что такое творчество в области ценностей – безнравственность или полет к новым высотам? В книге «Так говорил Заратустра» Ницше вводит для определения этого явления слово «имморализм», обозначая им, в противоположность аморализму, который все равно остается в пределах той системы морали, которая существует, нечто совершенно новое, стоящее над моральным и неморальным. Возможно, Ницше говорит как раз о сегодняшнем человеке, каким ему надлежит стать – мудрым и мужественным, принимающим ответственность не только за свои поступки, но и за их нравственное содержание.

Философы говорят о необходимости рождения нового человека, но как им стать, как вобрать в себя всю ту мудрость, которая необходима для такого существования, приходится решать каждому самостоятельно. Для того чтобы познать сложный, многообразный, постоянно изменяющийся мир ценностей и внести свою лепту в его усовершенствование, нужно прежде всего постичь его, научиться в нем ориентироваться. Здесь мы разделяем гуманистическую веру Сократа в разум человека, в то, что лишь наиболее полное знание приведет к полноценной, осознанной, истинно человеческой нравственности.

### Примечания

- <sup>1</sup> Сартр Ж.-П. Первичное отношение к другому: любовь, язык, мазохизм // Проблема человека в западной философии. М., 1988. С. 207.
- <sup>2</sup> Там же. С. 208.
- <sup>3</sup> Альберони Ф. Дружба и любовь. М., 1991. С. 242.
- <sup>4</sup> Определение «карта реальности», принятое в НЛП (нейро-лингвистического программирования), обозначает именно ту субъективную, уникальную для каждого человека, а также для различных субкультур, сумму смыслов, значений, представлений, через призму которых воспринимается окружающий мир.
- <sup>5</sup> Франкл В. Человек в поисках смысла. М., 1990. С. 96.
- <sup>6</sup> Там же. С. 97.
- <sup>7</sup> Там же. С. 98.

П.Д. Тищенко

### Врачевание как власть (абрис проблемы)

Вопрос о власти в структурах врачевания ставится не в политической плоскости, но с точки зрения философской антропологии. Власть – это феномен, позволяющий выявить некоторые фундаментальные основания присутствия человека в мире как страдающего и деятельно отвечающего на страдание другого. Подступиться к смыслу феномена власти поможет русский язык, пытающийся уловить его в пересекающейся семантике оппозиции слов: устрашение – защита, принуждение – сопротивление, заставление – раскрытость, подчинение – бесчинство, могущество – беспомощность.

**Устрашение** подводит к наиболее фундаментальным антропологическим структурам. В каком смысле власть присутствует «у», т.е. около страха? И о каком страхе речь идет у власти как врачевании? Думаю, что прежде всего о страхе смерти. Перед лицом смерти, понятой как телесное событие, о котором достоверно может судить лишь врач, человек новоевропейской эпохи «собирает себя» во вполне специфическую антропологическую индивидуальность и набрасывает вектор опространствления – самоотчуждения в ином, рассеивания в исторически специфической «нецельности» или «множественности» страдания. Тем самым собирание в «целое», к которому устремляет себя страдающий в надежде на исцеление, ближайшим образом вводится путем установления в существе человека онтологической разницы – демаркационной линии, отделяющей свое (целостное=здоровое) от чужого (рассеива